

агентство, главной задачей которого стала пропаганда мировой революции среди трудящихся Запада и колониальных народов Востока.

Подводя итоги, следует подчеркнуть: несмотря на трудности начального периода Первой мировой войны, а также на возникшие в дальнейшем проблемы (не преодоленная до конца ведомственная разобщенность, недостаточное финансирование, отсутствие должной координации с аналогичными структурами союзников, а главное, консервативность мышления монархической элиты, в большинстве слабо представлявшей специфику ведения тотальной психологической войны), пропагандистские органы, созданные под эгидой МИД, Ставки и Генерального штаба к 1916 г. развернули масштабную деятельность по воздействию на подданных нейтральных государств. Через сеть собственных и привлечённых корреспондентов удавалось публиковать агитационные материалы на различные темы, а также разоблачать сообщения германо-австрийских газет. Причем наиболее активно эта работа шла в государствах Скандинавии, Швейцарии и Нидерландах, а из неевропейских стран – в США, правда лишь в 1917 г. Об её эффективности, конечно, в партнерстве с другими членами Антанты, свидетельствует, в частности, переход Италии, Румынии и Греции на сторону Антанты, а также нейтралитет Швеции, Дании и Нидерландов.

Следовательно, нельзя отрицать: созданное в годы Первой мировой войны идеологическое оружие способствовало победе Антанты. Кроме того, большая часть приемов и методов, апробированных тогда российскими пропагандистскими органами, вошла в арсенал большевистских лидеров, сумевших построить в СССР одну из наиболее мощных агитационных машин XX в.

Муниципальные рабочие Москвы и городское самоуправление в 1917 году

Андрей Мамаев

The municipal workers of Moscow and city self-government in 1917
Andrey Mamaev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

В начале XX в. в Москве в результате бурного развития городского хозяйства увеличилось число муниципальных рабочих и служащих. Уже с 1905 г. прежняя модель их взаимоотношений с городом, при которой труд рассматривался не только как источник заработка, но и как моральный долг служения Москве, перестала работать. Муниципальные работники стремились получить финансовые и социальные гарантии, добиваясь создания профессиональных союзов и усиления влияния на принятие решений в сфере московского городского хозяйства.

Во время Первой мировой войны активизировалась деятельность московских городских служащих. На страницах своего журнала «Третий элемент» они призывали коллег отказаться от либеральных иллюзий – «единения» с руко-

водителями муниципальных органов, критикуя последние за подавление малейших проявлений самостоятельности подчинённых и за стремление видеть крамолу «в каждой попытке городских служащих... стать на путь сознательной общественной деятельности»¹. Тогда же и муниципальные рабочие начали предъявлять претензии к городским властям: в январе 1917 г., например, к товарищу московского городского головы В.Д. Брянскому явились делегаты от кондукторов и вагоновожатых трамваев, а также от отдела благоустройства и потребовали двойного увеличения месячных содержаний, выдачи 13-х зарплат и ежегодного предоставления отпусков². Правовое положение московских рабочих оставалось неопределённым: их устройство на муниципальную работу происходило без оформления индивидуальных договоров найма, отсутствовал третейский суд по разрешению трудовых конфликтов. Рабочие и низшие служащие (в отличие от высших) не имели пенсионного устава, а город не нес ответственности за полученные ими профессиональные заболевания³. К реформированию сложившейся системы отношений между городом и рабочими приступили лишь после Февраля 1917 г.

В отечественной историографии нет специальных исследований, посвящённых изучению положения муниципальных рабочих Москвы в 1917 г., исключение составляют лишь две небольшие статьи Б.М. Шора⁴, написанные с позиций схематизированного догматического марксизма. По справедливому замечанию А.И. Степанова, советские учёные изучали прошлое рабочего движения в Москве в качестве одной из составляющих истории КПСС⁵. Трамвайщики, водопроводчики, ассенизаторы, слесари и другие специалисты, которых иногда называли «четвёртым элементом» (по аналогии со «вторым» (городской голова, гласные, члены управы) и «третьим» (муниципальными служащими)), как правило, даже в дореволюционных статистических изданиях не фигурировали как самостоятельная категория трудящихся⁶. Поэтому сегодня сложно определить даже общую численность работников муниципальных предприятий в 1917 г.

Советские и российские учёные исследовали в основном историю фабрично-заводских рабочих, обходя вопрос о роли работников муниципальных предприятий. Между тем особенность ситуации заключалась в том, что в случае с последними работодателем был не капиталист, которого можно было обвинять в хищничестве и стремлении получить сверхприбыль, а общественное самоуправление, представлявшее интересы всего населения, отдававшего часть доходов на общественно-полезные цели. Изучение данной темы позволяет объяснить процесс изменения взаимоотношений между работниками муниципальных предприятий и Московской городской думой, после свержения самодержавия ухудшившихся настолько, что в октябре 1917 г. городские рабочие и социалистическая дума оказались по разные стороны баррикад.

¹ Третий элемент. 1917. № 1–2, 24 января. С. 3, 43, 46.

² Русские ведомости. 1917. 17, 31 января.

³ Евтихийев И.И. Ближайшие задачи московского городского управления // Городское дело. 1917. № 5–6.

⁴ Шор Б.М. Коммунальные рабочие Москвы в борьбе за Советскую власть // Московский заочный педагогический институт. Учёные записки. Вып. 55. М., 1979; он же. Революционная борьба рабочих московских городских коммунальных предприятий в августе–октябре 1917 г. // Там же. Вып. 52. М., 1978.

⁵ Степанов А.И. Московские рабочие в 1917 г. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 10.

⁶ См., например: Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927.

Февральскую революцию, сулившую трудящимся страны всесторонние и быстрые изменения к лучшему, москвичи восприняли восторженно. Избранного в конце марта городским головой кадета Н.И. Астрова служащие встретили «шумными аплодисментами и криками “ура”», заявлениями о «полном единении и взаимном доверии»⁷. Затем в Москве начался процесс объединения муниципальных рабочих. В марте 1917 г. в Миусском трамвайном парке собрались делегаты городских предприятий и организовали Центральный союз городских рабочих и служащих московского городского самоуправления (Центральный союз), избрав его правление в составе девяти человек. К апрелю количество членов союза достигло 100 тыс., а осенью – 150 тыс. человек⁸. Эти цифры расходятся с теми, которые уже в октябре озвучил заведующий отделом труда Московской городской управы Б.Н. Коварский: «к услугам городского управления» – 15 тыс. служащих и до 70 тыс. рабочих⁹. При этом, как подсчитали историки А.Я. Грунт и А.И. Степанов, общая численность московских рабочих в 1917 г. составляла более 400 тыс. человек¹⁰.

Эсеры, приступившие к управлению муниципалитетом в июле 1917 г., считали, что для улучшения взаимодействия с рабочими нужно иметь дело не с «неорганизованным совершенно кадром», а опираться на «сплочённую организацию» городских рабочих и служащих¹¹. При поддержке эсеров к лету 1917 г. на городских предприятиях сформировались местные профсоюзные комитеты, которые выбирали своих представителей в Центральный союз. Однако ещё накануне июньских муниципальных выборов выяснилось, что председатель его правления Ф.К. Комаров, шедший на выборы по списку меньшевиков, оказался провокатором – осведомителем московского охранного отделения. Хотя Комарову удалось скрыться за несколько дней до того, как все об этом узнали¹², сам факт негативно сказался на авторитете профсоюза. Кроме того, до осени 1917 г. его руководящая роль не была абсолютной – в Москве произошли неподконтрольные ему рабочие выступления. Так, 22 июня забастовку объявила группа чернорабочих Сокольнического ремонтного парка, а 19 августа стачкой угрожали члены профсоюза милиционеров, требуя от городской управы повышения зарплаты¹³.

Московские власти решили создать отдельную структуру для организации совместной работы муниципалитета с профсоюзами городских рабочих и служащих, разработки мер по улучшению их материального и правового положения. Уже 14 марта 1917 г. члены городской думы заявили о создании из состава гласных соответствующей рабочей комиссии¹⁴. К маю в московской городской управе был сформирован особый отдел труда и быта городских служащих

⁷ Русские ведомости. 1917. 30 марта.

⁸ За 20 лет. Монография Московского союза работников коммунального хозяйства. М., 1924. С. 37–38.

⁹ Коварский Б.Н. Рабочая политика городов. Доклад на VII съезде Всероссийского союза городов // Известия Всероссийского союза городов. 1917. № 49. Октябрь. С. 172.

¹⁰ Степанов А.И. Указ. соч. С. 93. А.Я. Грунт приводит данные за 1917 г.: 420 тыс. рабочих. По данным Степанова, общая численность рабочих в Москве составляла в начале 1917 г. 438 тыс. человек, в середине года – 493 тыс., а в начале 1918 г. – 351 тыс. человек (исключая безработных).

¹¹ Коварский Б.Н. Указ. соч. С. 171–172, 182–183.

¹² Русские ведомости. 1917. 23 июня.

¹³ За 20 лет... С. 46–47.

¹⁴ Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы), ф. 60, оп. 10, д. 46, л. 15.

и рабочих, в основном занимавшийся систематизацией их многочисленных требований. В августе реорганизованный отдел под руководством эсера Коварского (ранее главы профсоюза муниципальных служащих) решал вопросы, касавшиеся социального обеспечения рабочих, организации муниципальных бирж труда, мастерских, общественных работ, охраны труда и установления минимальной зарплаты. Для непосредственного взаимодействия с рабочими при отделе была создана постоянная согласительная комиссия, куда вошли по три представителя от управы и от рабочих. Она заседала три раза в неделю, принимая постановления, которые должны были иметь «решающее значение», в противном случае вопрос передавали на рассмотрение городской думы¹⁵.

В мае 1917 г. в первом коалиционном Временном правительстве было создано Министерство труда во главе с меньшевиком М.И. Скобелевым, пообещавшим издать общероссийский закон о 8-часовом рабочем дне, дать гарантии полной свободы коалиций и стачек, ввести широкое социальное законодательство. Ключевой фигурой в новом ведомстве стал правый меньшевик, видный деятель профессионального движения товарищ министра П.Н. Колокольников¹⁶.

В начале лета 1917 г. работники городского хозяйства Москвы находились под сильным влиянием умеренных социалистов, дававших весьма заманчивые обещания. Так, в муниципальной программе московского комитета партии эсеров предлагалось установить по соглашению с профсоюзами минимальный уровень зарплат, снизить продолжительность рабочего времени и открыть биржи труда. Предполагалось, что с людьми будут заключены коллективные договоры, им предоставят «здоровые жилища неказарменного типа» и создадут такие условия труда, «которые могли бы служить образцом для всех предприятий»¹⁷. Однако в обстановке революции и продолжавшейся Первой мировой войны многие из подобных посулов оказались просто невыполнимыми. Муниципальные деятели – либерально настроенные и эсеры – пытались сохранить призрачное единство, существовавшее между рабочими и служащими до революции. Однако разница в политических взглядах, рост классового самосознания рабочих, болезненное восприятие ими главенствующей роли служащих-интеллигентов в профсоюзных органах не позволили это сделать.

Серьёзные противоречия между московскими высшими и средними служащими, с одной стороны, и низшими служащими и рабочими – с другой, вскрыл проходивший в Москве с 29 июня съезд городских и земских рабочих и служащих России. В результате запоздалого уведомления о начале его работы лишь из 11 городов (из 92) прибыли делегаты именно от рабочих организаций, тогда как остальные были представлены объединёнными организациями служащих и рабочих. В числе делегатов съезда оказались представители «крупной администрации» – инженеры, доктора, члены управ и даже товарищи городских голов¹⁸. Глава Центрального союза Н.М. Голубев отмечал также «почти полное отсутствие в программе чисто рабочих вопросов»¹⁹.

¹⁵ Там же, ф. 179, оп. 2, д. 3654, л. 1–3; оп. 21, д. 3884, л. 66 об; Известия Временного комитета организации служащих Московского городского общественного управления. 1917. 25 мая. № 14. С. 5; Русские ведомости. 1917. 3, 10 августа.

¹⁶ Смирнова А.А. От коалиции к катастрофе. Петроградские социалисты в мае–ноябре 1917 года. СПб., 2006. С. 71–72.

¹⁷ Муниципальная программа. Составлена муниципальной комиссией при Московском комитете партии социалистов-революционеров. М., 1917. С. 10–13.

¹⁸ За 20 лет... С. 46–47.

¹⁹ Рабочая жизнь. 1917. № 1, 1 августа. С. 6.

Съезд пытался провести эсеровскую концепцию, согласно которой «городские рабочие и служащие по своему положению являются одной группой служащих городских управлений», протестуя против попыток их разделения. Однако группа делегатов-рабочих, «стоящая на классовой точке зрения», отказалась участвовать в голосовании по резолюциям съезда и рассматривать его постановления в качестве обязательных. В итоге под её давлением было решено считать съезд лишь подготовительным²⁰.

Тем временем московская городская управа была недовольна серьёзным снижением производительности труда на коммунальных предприятиях, считая основными его причинами частые профсоюзные собрания и митинги в рабочее время, профсоюзную деятельность существенной части рабочих, отвлекающую от их основных функций, раздутые штаты²¹. Ещё 18 марта на заседании Моссовета постановили ввести 8-часовой рабочий день, не дожидаясь соответствующего декрета Временного правительства²². Некоторые московские учреждения сразу приступили к осуществлению этого решения, однако тут же были вынуждены ввести сверхурочные работы, что обернулось новыми миллионными расходами и без того дефицитного городского бюджета²³. Однако с официальным введением 8-часового рабочего дня московское городское самоуправление не спешило: 11 июля городской голова эсер В.В. Руднев заявил, что его «проведение в жизнь» возможно только после «установления в законодательном порядке»²⁴. Центральная власть тоже медлила с реформированием рабочего законодательства.

Осенью московская городская управа разработала проект статута городской службы, призванного стать частичной заменой коллективных договоров. В документе фиксировалось, что городское хозяйство от предпринимательского отличают особые социальные функции, что в муниципалитете нет места «обычной вражде рабочего класса... по отношению к отдельным предпринимателям», так как работа всех служащих и рабочих должна рассматриваться как сотрудничество, направленное на полное удовлетворение нужд всего населения. В связи с этим стачки следовало считать недопустимыми до всестороннего рассмотрения того или иного вопроса в согласительной комиссии, состоящей из представителей думских гласных и Центрального союза. Рабочие же, указывал Коварский, встали на противоположную точку зрения: считая город частным предпринимателем, развернули с ним решительную борьбу²⁵.

Летом позиция пришедших к власти в Москве эсеров поменялась. Если ранее они поддерживали идею установления контроля рабочих над производством, то, начав практическую муниципальную работу, оставили эти лозунги, допустив лишь «участие рабочих в обсуждении хозяйственных и административных дел, касающихся предприятий», с правом совещательного голоса. «Только за городской думой, — отмечал товарищ городского головы С.А. Студенецкий, — должно оставаться право окончательного решения всех выдвинутых рабочими

²⁰ За 20 лет... С. 48–51.

²¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. Март–апрель 1917. М., 2001. С. 338–340.

²² См.: Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970. С. 348; Грунт А.Я. Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976. С. 122–123.

²³ Русские ведомости. 1917. 17 мая.

²⁴ Там же. 12 июля.

²⁵ Коварский Б.Н. Указ. соч. С. 175–176.

и служащими вопросов, раз они затрагивают интересы всего населения»²⁶. Как заявлял Коварский в докладе на проходившем в октябре съезде Всероссийского союза городов, «мы смотрим на рабочих как на сотрудников; мы можем производить социальные опыты, которые ещё не производились, но только таким образом, чтобы они не вызывали расстройства городского хозяйства». По его мнению, на практике участие рабочих в управлении могло бы выразиться в создании при каждом городском предприятии особого контрольно-технического совещательного совета из представителей администрации и рабочих (опыт его создания в Москве уже имелся)²⁷.

Рабочие, с точки зрения представителей московской городской управы, могли участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с расценками и проведением мероприятий по увеличению производительности труда; в разработке правил внутреннего распорядка и надзоре за их выполнением; получать информацию о хозяйственных делах предприятий; выносить суждения по производственным проблемам²⁸. В практическом аспекте изменение взглядов эсеров относительно участия рабочих в управлении предприятиями было оправданно, однако их негативно воспринял московский пролетариат, что способствовало его разочарованию в умеренных социалистах.

Воззрения московских эсеров вполне разделяли и в Министерстве труда. Колокольников, к примеру, заявлял, что задачей рабочих комитетов при муниципальных предприятиях должны быть лишь урегулирование взаимоотношений с администрацией и коллегиальное представительство работников в области защиты их интересов как продавцов рабочей силы, а не вмешательство в хозяйственно-административную часть управления. По мнению чиновника, притязания рабочих на полное хозяйственное самоуправление городских предприятий, где они трудились, привели бы к их превращению в артели, «отступлению от демократизма в сторону ограниченного группового самоуправления» и распаду единого муниципального хозяйства²⁹.

Важнейшим вопросом и потенциальным источником конфликтов между муниципалитетами и городскими рабочими в 1917 г. стала проблема несоответствия заработной платы возросшим ценам и финансовым возможностям городов. Вплоть до весны проблема повышения зарплаты в муниципалитете Москвы решалась путем установления рабочим предприятий, направлявших соответствующие прошения, надбавок из-за дороговизны, размер которых в каждом конкретном случае определялся муниципалитетом индивидуально. В мае–июне на волне «первой тарифной кампании» за повышение оплаты труда, организованной профсоюзами промышленных рабочих, в городскую управу с воззванием об увеличении окладов всех городских работников обратился Центральный союз. Была создана согласительная комиссия, посчитавшая эти требования справедливыми. Делегаты сообщали, что дороговизна лишала их возможности «сколь-ко-нибудь сносного существования» и, как правило, полученное ими вознаграждение оказывалось значительно ниже, чем на частных предприятиях. Рабочие признавали их отличие от города, но заявляли, что «не могут быть благотворителями»³⁰.

²⁶ Труд. 1917. 8 августа.

²⁷ Коварский Б.Н. Указ. соч. С. 177, 183.

²⁸ Там же. С. 183.

²⁹ Колокольников П. Рабочая политика органов местного самоуправления // Вопросы самоуправления. 1917. № 2–3. 14 сентября. С. 27–30.

³⁰ Русские ведомости. 1917. 18 мая.

Комиссия определила размеры надбавок к основным окладам, которые думцы-кадеты посчитали соответствующими условиям рынка, а для ряда категорий – завышенными. Увеличение зарплаты работников муниципалитета опустошило бюджет Москвы, составив 50% от всех запланированных в 1917 г. городских доходов³¹. Власти предложили закрыть образовавшуюся финансовую «дыру» путём увеличения тарифов на пользование услугами городских предприятий. Однако это не устроило рабочих, и они указали «на другой исход: обложить недвижимое имущество господ капиталистов»³², но законодательство не допускало такой возможности.

Существенное повышение зарплат рабочих вызвало недовольство горожан. В одной из газет либерально-кадетского направления думский гласный К.К. Мазинг назвал требования рабочих «мародёрством тыла», обвинив их в стремлении к наживе. По его мнению, ключевой в принятии управой условий рабочих стала угроза забастовки: так, один из участников согласительной комиссии откровенно сказал: «Плата рабочим была нормирована “реальным соотношением сил”»³³.

Колокольников и Коварский отмечали: умеренные социалисты в Москве стремились соблюсти баланс между удовлетворением требований муниципальных рабочих и обеспечением максимальной доступности городских услуг; избежать создания привилегированного положения для городских рабочих, с одной стороны, и хищнической их эксплуатации, с другой. Выдержать равновесие было трудно: «От муниципальной демократии требуется сейчас чрезвычайная осторожность в урегулировании рабочего вопроса... Всяким промахом в этом отношении умело воспользуются её политические противники»³⁴.

Проблему соблюдения хрупкого равновесия в Москве усугублял тот факт, что эсеры пришли к власти на волне популизма. Широкие обещания улучшить положение муниципальных рабочих спровоцировали повышенные и законные ожидания, но городская казна, увы, была пуста. Поэтому, чтобы хоть в какой-то степени сохранить контроль над рабочими, эсеровское руководство вынуждено было идти на частичные уступки. «Рабочий вопрос стоял вольно, – заявлял спустя год большевик П.Н. Мостовенко. – Во многих службах появился беспорядок. Рабочие сами устанавливали расценки. Так было в трамваях. В зависимости от ширины глотки. Картина получалась такая: чем меньше производительность труда, тем больше заработка добивались рабочие. Заработок представляется в том виде, что в службе подвижного состава слесарь получал 1 200 руб., а вообще слесарям платили не больше 250 руб.»³⁵ ... В сверхурочных работах создалась такая картина, что был ряд служб, где сверхурочные работы возрастали (в цене. – А.М.) до 100%, а имелись и такие категории, где сверхурочный заработок был 200%, т.е. в 2 раза больше нормального содержания»³⁶.

Как отмечал журнал «Городское дело», «выходит так, что городское население существует только для того, чтобы содержать этот персонал... Какая ирония судьбы: ввиду требований части демократии остальные её части её же предста-

³¹ ЦГА Москвы, ф. 179, оп. 221, д. 3884, л. 79.

³² За 20 лет... С. 39–40; Известия Московского совета рабочих депутатов. 1917. 23 мая.

³³ Русские ведомости. 1917. 13 августа.

³⁴ Вопросы самоуправления. 1917. № 2–3, 14 сентября. С. 25–28; Труд. 1917. 10 сентября.

³⁵ Центральный государственный архив Московской области (далее – ЦГА МО), ф. 66, оп. 12, д. 369а, л. 216.

³⁶ Там же, л. 217.

вителями будут обложены тяжёлыми косвенными сборами»³⁷. В августе 1917 г. Мазинг возмущался: «Вагоновожатые при... окладе 170 руб., уже значительно чаще получают свыше 500 руб. в месяц, несколько человек получают более 600 руб., а один – 754 руб. Это несколько более, чем теперь получают городской голова и члены управы... Но рекорд побили табельщики... Вот их заработок: 680, 685, 694, 702, 846, 944, 966, 1 060, 1 119! Это в месяц!»³⁸. Правление Центрального союза увидело в таком возмущении стремление кадета настроить горожан против муниципальных рабочих и, не отрицая приведённых гласным цифр, отметило, что такие зарплаты были связаны с вынужденной сверхурочной работой из-за недостатка рабочих рук³⁹.

Вместе с тем партийно-политическая принадлежность думских гласных, как нам кажется, не играла ключевой роли во взаимоотношениях муниципалитета Москвы и городских рабочих. Последние успешно использовали главный механизм своего влияния на власть – забастовки. Запретить их проведение либеральная общественность не могла. Бороться же репрессивными методами с подобными акциями, парализующими жизнь города в условиях углублявшейся революции, было практически невозможно без получения обвинений в антидемократизме, контрреволюционности и без потери популярности в народе. И кадеты, чьи позиции в городской думе весной–летом 1917 г. оказались весьма шаткими, и тем более популисты-эсеры пойти на это не решались, да и не имели возможности.

Стратегией думцев в такой обстановке стало удовлетворение требований рабочих при одновременном стремлении их максимально ограничить, критикуя со всех трибун и в прессе их завышенные запросы, затягивая обещанные решения. В свою очередь, работники муниципальных предприятий Москвы, почувствовав слабость «отцов города», не собирались идти на уступки, стремясь получить максимальные материальные «дивиденды» в связи с победой революции и обрести большую независимость от городских управленцев. Авторитет сопротивлявшихся таким намерениям умеренных социалистов и кадетов среди «демократических» слоёв населения резко пошёл на спад, что позволило социалистам-радикалам, прежде всего наиболее организованным из них – большевикам – умело воспользоваться ситуацией.

В течение июля – октября 1917 г. эсеры пытались найти выход из созданной обострившимися противоречиями ситуации, но в условиях финансового кризиса без отхода от программных обещаний, с которыми они победили на выборах, и без готовности рабочих идти на уступки это было невыполнимо. Коварский признавался, что невозможно было «при обесценении рубля и всё растущей дороговизне... регулировать заработную плату городских рабочих». Обещания создать для них лучшие условия, чем имели работники частных предприятий, «в условиях текущего момента» также были признаны неисполнимыми. В качестве выхода из тупика эсеры, в частности Б.Н. Коварский, предложили пересмотреть основы оплаты труда: выдавать часть зарплаты не деньгами, а основными продуктами питания – хлебом, овощами, мясом по заготовительным ценам через городские продовольственные комитеты, что удовлетворило бы первоочередные потребности муниципальных работников и избавило бы город

³⁷ Городское дело. 1917. № 9–10. С. 533.

³⁸ Русские ведомости. 1917. 13 августа.

³⁹ Рабочая жизнь. 1917. 6 сентября. С. 5–6.

от постоянного повышения им жалования⁴⁰. Товарищ московского городского головы И.Н. Коварский соглашался с братом, полагая: «Пока не будет организовано снабжение рабочих продовольствием, городское управление не будет в силах справиться с движением рабочих»⁴¹. Однако распределительный аппарат не был налажен, а рабочие не соглашались на проведение весьма болезненных для них мер. Лидер московских кадетов Астров призывал к пересмотру норм оплаты труда рабочих, «какой бы забастовкой ни грозили большевистские течения»⁴².

В первой половине октября отдел труда и быта московской городской управы разрабатывал проект своей реорганизации с целью расширения и полноценной реализации муниципальной рабочей политики. Предполагалось создать отделы инспекции труда, юридической и экономической консультации, рынка труда и общественных работ, статистики труда и социального страхования⁴³. Однако эти планы были далеки от реальности – муниципалитет почти утратил контроль над подведомственными ему предприятиями. Городская дума «... ещё задолго до Октября потеряла всякую власть в среде рабочих подвластных ей предприятий. Фактически эти предприятия управлялись рабочими комитетами, хотя дело и не было юридически оформлено», – отмечал год спустя заведующий отделом советских предприятий Москвы Мостовенко⁴⁴. Ситуация усугублялась уходом из городских предприятий служащих, недовольных вмешательством рабочих в сферу их полномочий.

В октябре из-за нехватки денег в кассе управа не смогла вовремя выплатить повышенные зарплаты рабочим. Товарищ городского головы С.А. Студенецкий объяснил присланной ими делегации, что задержка происходит оттого, что городская управа не может удовлетворить сразу всех, и угрозы забастовки ускорить расплату не могут⁴⁵.

К октябрю 1917 г. отношения между московским муниципалитетом и городскими рабочими обострились до крайних пределов. Важной вехой стало и деятельное участие эсеровской городской думы в организации Государственного совещания: «Если до того городские рабочие... ещё колебались, то после совещания они открыто стали на сторону большевиков. Совещание и Корнилов ускорили Октябрь»⁴⁶. По инициативе ЦК РСДРП(б) было решено устроить 12 августа – в день созыва совещания – однодневную стачку, несмотря на протесты городского головы Руднева, эсеров-меньшевистских составов Московского совета солдатских депутатов и исполкома Совета рабочих депутатов⁴⁷. Наряду с муниципальными рабочими в политической стачке участвовали работники железных дорог, типографий, электростанций, ресторанов и магазинов, крупных предприятий и мелких мастерских. Жизнь в городе замерла⁴⁸.

Руднев в приветственной речи на Государственном совещании от имени всей Москвы назвал организаторов стачки «анархическим меньшинством», но попытки её сорвать не увенчались успехом⁴⁹. Несмотря на оставление в самый

⁴⁰ Коварский Б.Н. Указ. соч. С. 178–180, 183.

⁴¹ Русские ведомости. 1917. 11 октября.

⁴² Там же.

⁴³ Коварский Б.Н. Указ. соч. С. 184–186.

⁴⁴ ЦГА МО, ф. 66, оп. 12, д. 369а, л. 216.

⁴⁵ Русские ведомости. 1917. 12 октября.

⁴⁶ За 20 лет... С. 53.

⁴⁷ Шор Б.М. Революционная борьба рабочих... С. 37.

⁴⁸ Грунт А.Я. Указ. соч. С. 199–200.

⁴⁹ За 20 лет... С. 56.

критический момент меньшевиком-объединенцем Н.М. Голубевым должности председателя правления Центрального союза, остальные его члены остались на местах. Председатель делегатского совещания трамвайщиков Миусского парка Сурков и гласный московской городской думы М.Г. Астафьев попытались выехать из парка, за ними последовали машинисты. Однако после того, как центральная трамвайная электрическая станция по указанию члена правления Центрального союза А.Н. Телешева прекратила подачу энергии, трамваи остановились⁵⁰. Вопреки призывам Советов Центросоюз достиг своей цели – доставить максимум неприятностей участникам совещания.

Большевики контролировали московскую организацию муниципальных рабочих с конца сентября. Символом усиления их влияния должна была стать всеобщая стачка рабочих московского городского самоуправления. Они выразили недовольство размером жалованья и действиями заведующего отделом труда и быта Коварского, потребовав его увольнения. Начались долгие переговоры. Призывы городского головы Руднева и члена управы Н.А. Ульянова к рабочим не руководствоваться только желанием «вырвать у управы скорее деньги» и «совместно обдумать столь серьезное дело» не возымели действия⁵¹. В результате город вынужден был принять почти все финансовые требования рабочих, кроме увольнения Коварского. Руднев принципиально не хотел отказываться от права городской управы самостоятельно, без санкции и давления со стороны муниципальных рабочих, назначать и снимать своих сотрудников, заведующих городскими предприятиями. Сам Коварский заявил, что всегда смотрел на свою работу как на тяжёлую жертву и выразил готовность просить об отставке, если к нему нет доверия⁵².

На заседании Московской городской думы 17 октября 1917 г. планировалось подписать соглашение. Однако после принятия всех его пунктов и одобрения их председателем стачечного комитета эсером-максималистом С.Л. Пупко неожиданно взял слово представитель большевиков думский гласный В.Н. Подбельский. Он заявил: поскольку в согласительной комиссии требования ультиматума рабочих были несколько переформулированы, то соглашение не может быть заключено, а значит, забастовка неизбежна⁵³. Это выступление, поразившее все остальные фракции московской городской думы, меньшевик Л.М. Хинчук назвал «провокацией». Поднялся шум. Либеральные «Русские ведомости» сочли решение рабочих о проведении всеобщей стачки «мятежом против демократии» и констатировали, что забастовка не вызвана экономическими запросами, имеет мало отношения к интересам рабочих и является преднамеренным политически рассчитанным шагом⁵⁴. 18 октября Коварский, отстранения которого добивались муниципальные рабочие, сам ушёл со службы⁵⁵. Сложившаяся ситуация ознаменовала крах политики муниципалитета в решении рабочего вопроса. Впрочем, за два дня до запланированной на 21 октября забастовки стачечный комитет вдруг отказался её начинать, признав возможным продолжать поиск компромисса с управой в согласительной комиссии⁵⁶.

Спустя год Пупко вспоминал, что представители стачечного комитета, предвидя начало восстания, затягивали переговоры, но всё же пошли на согла-

⁵⁰ Там же. С. 54–55, 72.

⁵¹ Русские ведомости. 1917. 13, 14 октября.

⁵² Известия Московского совета рабочих депутатов. 1917. 12 октября.

⁵³ Труд. 1917. 19 октября.

⁵⁴ См.: Русские ведомости. 1917. 19, 20 октября.

⁵⁵ Там же. 20 октября.

⁵⁶ Там же. 21 октября.

шение, так как опасались несвоевременным выступлением ослабить позиции большевиков⁵⁷. Вероятно, особую роль при этом сыграло и недовольство москвичей предстоявшей остановкой всех городских предприятий. Фактически уже тогда городская дума была лишена основных полномочий: рабочие, непосредственно выполнявшие различные городские функции, не подчинялись управе и её высшим служащим, а находились под полным контролем большевиков.

Осенью 1917 г. стачечное движение охватило в Москве целые отрасли промышленности и оказалось «существенным элементом общенационального революционного кризиса». В августе – второй половине октября прошла забастовка московских кожевников (до 110 тыс. человек), в сентябре–октябре – фармацевтов, служащих аптек, рабочих-коробочников и картонажников, деревообделочников, шофёров, слесарей и мотористов⁵⁸.

После начала октябрьского переворота в Петрограде Московская дума в ожидании подобного выступления в своём городе, пообещала «решительно бороться с попытками захвата власти, откуда бы они не исходили». Был сформирован Комитет общественной безопасности (Руднев, Студенецкий, И.Н. Коварский, П.А. Бурышкин и др.)⁵⁹. Однако в вооружённом столкновении поддерживавшие городскую думу силы проиграли.

Во время октябрьского выступления большевиков в Москве Центральный союз сыграл значительную роль, в частности, один из его представителей – Пупко – вошёл в состав Военно-революционного комитета⁶⁰. 28 октября началась всеобщая стачка, по распоряжению Центрального союза муниципальными рабочими «подвозились ломы, лопаты для рытья окопов, пускался ток, выключался ток в опасных для революции местах, посылались вагоны для перевозки красногвардейцев и продовольствия, давались распоряжения милиции». Большевики превратили трамвайные парки города в крепости, телефонная станция оставила без связи сторонников Временного правительства⁶¹. Особую роль сыграли Сокольнические мастерские, где находились база снаряжения и питания красногвардейцев и перевязочный пункт для раненых. Муниципальные рабочие активно участвовали в самих боях – штурме здания градоначальства, столкновениях в районе Каменного моста, на Моховой улице и в Александровском саду⁶².

За несколько месяцев существования в России в 1917 г. демократического режима взаимоотношения муниципальных рабочих и Московской думы радикально изменились. Не стало препятствий к созданию и свободной деятельности профсоюзов, к проведению забастовок, власть в городе перешла к их выдвиженцам из партии эсеров. Однако решительных законодательных мер в рабочем вопросе, закрепляющих и развивающих революционные достижения, до октября 1917 г. не было принято. Права рабочих оставались в «подвешенном» состоянии, подвергались угрозе урезания. Муниципальный финансовый кризис также резко обострил отношения «четвёртого элемента» с городскими властями. Провал их политики в решении рабочего вопроса оказался одной из причин недееспособности, проигрыша муниципалитета в борьбе с большевиками и ликвидации института городского самоуправления.

⁵⁷ Рабочая жизнь. 1918. 4 ноября. С. 10.

⁵⁸ Грунт А.Я. Указ. соч. С. 253–254.

⁵⁹ Там же. С. 293; Труд. 1917. 27 октября.

⁶⁰ Грунт А.Я. Указ. соч. С. 287–288.

⁶¹ За 20 лет... С. 77.

⁶² Шор Б.М. Революционная борьба рабочих... С. 45–46.